

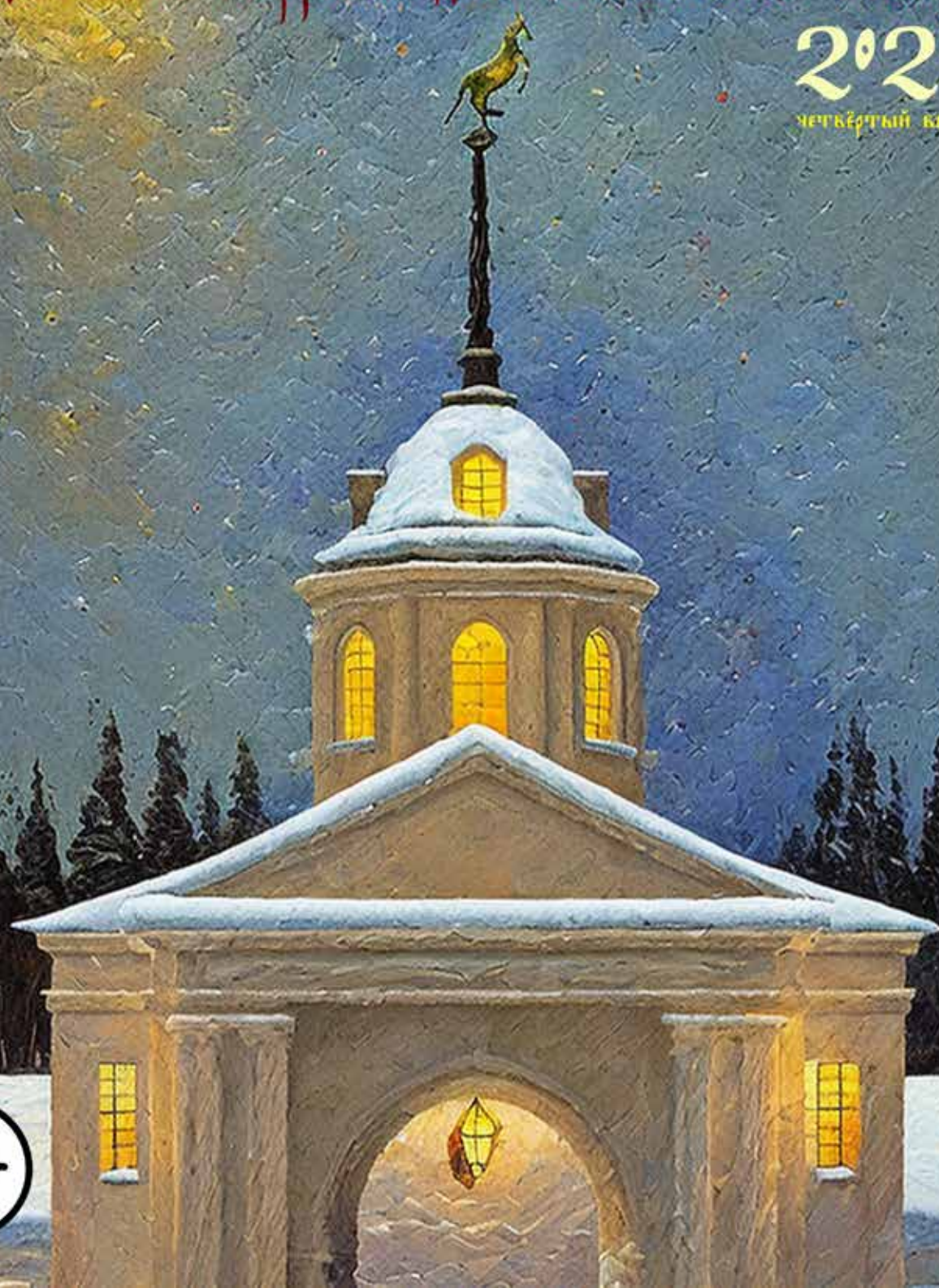
УЗОР ШИЖА

Детский журнал для семейного чтения

2025

четвёртый выпуск

6+

От редакции

Дорогие наши читатели!

От всей души поздравляем вас с Рождеством Христовым!

В эти светлые дни хочется пожелать, чтобы в вашем доме всегда царили мир и благодать, а сердце наполнялось тихой, тёплой радостью. Пусть рождественская звезда освещает ваш путь, дарит силы в трудах и напоминает о самом главном — о любви к ближним и вере в лучшее.

Мы желаем вам крепкого здоровья и семейного благополучия. Пусть каждый день приносит вам добрые встречи, тёплые разговоры и искреннюю радость — в простом смехе детей, в заботливом слове родных, в уютном вечере за общим столом.

Пусть это Рождество станет временем обновления: напомнит, как важно ценить каждое мгновение, беречь тех, кто рядом, и хранить в сердце надежду.

С тёплыми пожеланиями,
редакция журнала

Содержание

От редакции.....	2
Подвижные детские игры.....	4
Прочти, пожалуйста, прочти!.....	6
Рисуем.....	8
Гаврилкины истории.....	10
Праздники.....	15
Открытки с Гаврилкой.....	17
Святочный дедушка и Дед Мороз.....	20
Словарик.....	22
Рассказы дореволюционных авторов.....	24
Занимательные науки.....	28
Калиграфия.....	33
Рецепты.....	35
Вышивка.....	36

Выходные данные сетевого издания

Наименование СМИ: Детский журнал «Гаврилка»
Форма распространения: Сетевое издание
Учредитель: ИП Селивёрстов Максим Альбертович
Главный редактор: Селивёрстов Максим Альбертович
Помощник редактора: Селивёрстова Наталья Алексеевна
Адрес редакции: 155020, Ивановская обл., Гаврилово-Посадский р-н, д. Ганшино, д. 20
Телефон редакции: +7 (964) 566-60-78
Электронная почта: info@gavrillka.rf
Дата выхода номера: 29.12.2025
Периодичность: 4 раза в год
Регистрирующий орган: Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Номер свидетельства о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 - 87515 от 17.06.2024
Знак информационной продукции: 6+
Доменное имя издания: гаврилка.rf

Материалы распространяются по лицензии Creative Commons BY-NC-ND 4.0. Разрешено бесплатное скачивание и печать. Запрещена продажа, коммерческое использование и создание производных работ. Обязательна ссылка на журнал при цитировании.

ПОДВИЖНЫЕ ДЕТСКИЕ ИГРЫ

Кошка и мышка

1 Мы- ше- но- чек в ком- на- те Ку- ша- ет го- вя- дин- ку,
А ко- шеч- ка из- да- ли На ша- не- го бро- са- ет- ся.

5 Ла- ла- ла, ла- ла- ла, Ла- ла- ла, ла- ла- ла.

9 А ко- шеч- ка из- да- ли На не- го бро- са- ет- ся.

Мышоночек в комнате
Кушает говядинку,
А кошечка издали
На него бросается,
Ла-ла-ла, ла-ла-ла,
Ла-ла-ла, ла-ла-ла,
А кошечка издали
На него бросается.

Используйте QR-код, чтобы послушать мелодию

Правила игры:

- Дети становятся в круг
- Один ребёнок — мышка — стоит внутри круга
- Другой ребёнок — кошка — охраняет круг снаружи
- Когда звучат слова «на него бросается», мышка выбегает из круга, а кошка пытается её поймать

Важные условия:

- Мышка может выбегать из круга с любой стороны
- Кошке разрешается ловить мышку только там, где дети стоят с поднятыми руками

Автор: Л. Симонович
Источник: журнал «Детский сад»
1869 г.

ПОДВИЖНЫЕ ДЕТСКИЕ ИГРЫ

Бочар

1 2 3 4
рпс. Вот я вы- пи- лил дно, Ка- жись кру- гло о- но

Вот я выпилил дно —
Кажись, кругло оно...
(Хор повторяет те же слова)

Постругаю бока
И согну их слегка.
(Тоже хор)

Время бочку собирать,
Бока плотно сдвигать.
(Тоже хор)

Стану обручи бить,
Чтоб их враз осадить.
(Тоже хор)

Надо бочку катить,
Чтоб водой налить.
(Тоже хор)

Все вместе:
Катись, бочка моя,
Катись новенькая,
Катись новенькая!
Ты дубовенькая!

Правила игры:

- Один ребёнок — бочар
- Шесть других детей — бочка (образуют круг, положив руки друг другу на плечи)
- Остальные дети — хор

Движения:

При словах «постругаю бока» бочар «строгает» бочку и сгибает края, наклоняя головы детей

Затем бочар сдвигает бока, придвигая детей плотнее друг к другу
«Набивает обручи» — снимает руки детей с плеч и опускает их так, чтобы дети обхватили друг друга за талию

Бочар «катит бочку» — дети кружатся, стараясь сохранить принятое положение

Важно: все движения выполняются синхронно с текстом песни.

Используйте QR-код, чтобы послушать мелодию

Реконструкция по сборнику:
М.А. Мамонтова, М.Т. Соловьёва.
«Подвижные игры с пением».
Москва, 1872.

Прочти, пожалуйста, прочти!

Чтение со старшими для самых маленьких

Сказка-загадка. Дитя Божье

Ходит Божье дитя — прекрасное, румяное, ясное — по полю широкому. Ходит, всякому встречному улыбается, и от той улыбки каждому весело становится.

Туча набегит — дитя спрячется, и туча то с горя расплачется.

Выйдет дитя Божье рано поутру гулять — всем благодать.

На деревья глянет — деревья распускаются; на цветы глянет — лучше прежнего цветков становится.

По зелёной ниве пройдёт — всю её золотом червонным обведёт.

По воде идёт — не плеснёт; по лесу идёт — не стукнет; по соломе пробирается — не хрустнет.

На лицо его светозарное глянуть нельзя — ослепнёшь.

Ну ка, кто угадает, по какому полю дитя Божье гуляет да как его зовут?

А. Бахметев

Ответ будет с следующим номере.

Источник: журнал Светлячок 1912-04

Ответ на загадку из третьего номера про Талалай
- язык!

Прочти, пожалуйста, прочти!

Чтение со старшими для самых маленьких

Городской мальчик в поле

Родители Вани жили постоянно в городе. Раз Ваня попал в деревню. Гуляя по полю, он остановился, чтобы посмотреть на полевые работы.

— Что, мужичок, тяжела работа? — спросил Ваня крестьянина, который шёл за сохой.

— Тяжела, да плата хороша, — отвечал крестьянин.

— Для чего ты землю так разрываешь?

— А для того, чтобы её хорошенько дождем смочило и солнышком пригрело. В сухой и неразрыхлённой земле семя пропадёт без пользы.

— А какое ты семя будешь сеять на этом поле?

— Пирожное.

— Да ты, я вижу, шутник! Такого и семени нет.

— Как нет? Ведь пироги-то пекутся из пшеничной муки, а пшеницу сеют.

— А что это за растение с голубенькими цветочками виднеется на том поле?

— А это рубашки растут.

— Как рубашки?

— Да так... Это лён, из которого прядут нитки и ткнут полотно, а из полотен шьют рубашки.

— Уж не растёт ли тут на полях и сукно, из которого сшита моя куртка? — спросил Ваня насмешливо.

— Растит-то оно не растёт, — заметил крестьянин, — но бегает по полям.

— Ты уже совсем принимаешь меня за дурака! — воскликнул мальчик.

— Нисколько, — отвечал крестьянин, — сукно выделяется из овечьей шерсти, а овцы бегают по полям.

Крестьянин, смеясь, стал понукать остановившуюся лошадь.

Ваня пошёл домой задумавшись.

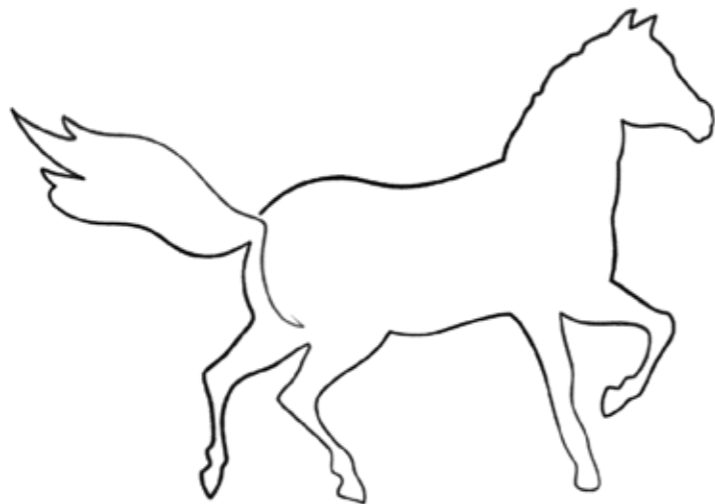
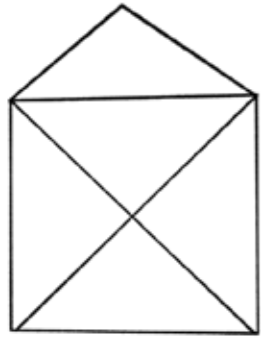
Источник: Забавная книжка для чтения. Книжка для чтения в 1 году обучения. Составлена «Кружком учащихся». Издание В. М. Саблина, Москва, 1911

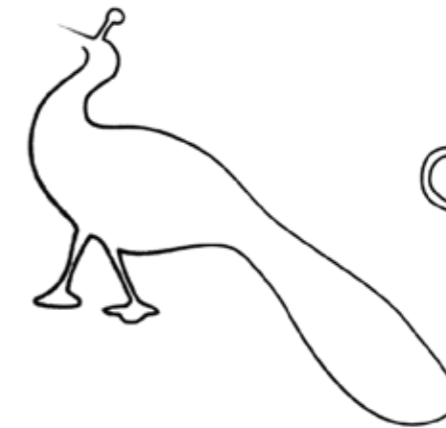
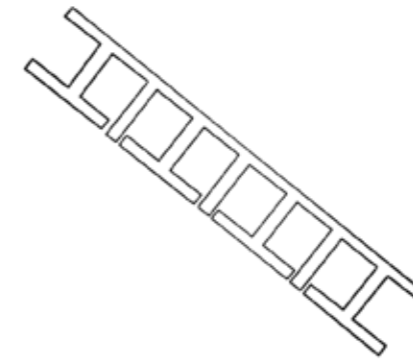
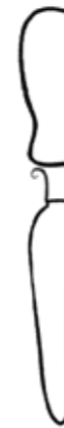
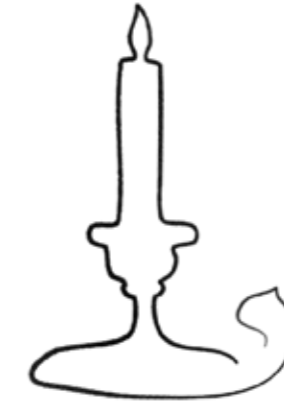
Рисуем

Предлагаем вам снова окунуться в атмосферу старинной забавы — создания рисунков, которые можно выполнить, не отрывая карандаш от бумаги.

Эта занимательная головоломка была особенно популярна среди детей дореволюционной эпохи. Попробуйте и вы свои силы в этом увлекательном занятии — оно не только развлечёт, но и потренирует логическое мышление!

Рисуем

Источники: Кузовок: сборник рассказов, сказок, стихотворений, работ, занятий, игр, загадок, шарад, задач, песен и т. п.: для детей младшего возраста: с приложением нот, таблиц и множества рисунков, Клавдия Лукашевич. Издательство — отделение типографии товарищества И. Д. Сытина, 1912 год.
Журнал Светлячок: 1912-09, 1911-22

Гаврилкины истории

Других рук у Бога нет

I

В канун Рождества храм преображался. Казалось, сам воздух в нём становился гуще и звонче, насыщенный запахом хвои, воска и морозной свежести, что вносили с собой прихожане. Даже тяжёлые дубовые ворота, обычно скрипевшие с неохотой, сегодня, казалось, растворялись беззвучно, впуская потоки людей в расписных шубах и валенках, укутанных в шерстяные платки.

Гаврилка деловито сновал по храму: поправлял лампы, чьё пламя отражалось в потёртой меди; подкладывал в горящие подсвечники огарки, чтобы никто не ушёл без свечи. Всё его существо было наполнено предпраздничным торжеством — тем особенным, сосредоточенным ликованием, которое бывает только в Сочельник.

Подготовка к праздничной службе шла полным ходом. Именно в этой суматошной благодати его взгляд наткнулся на маленький островок тихого горя. У дальнего аналоя, где висела икона Рождества, стояла Машутка, дочь недавно овдовевшей тёти Любы. Девочка, закутанная в старую, не по росту телогрейку, прижалась лбом к холодной деревянной резьбе. Её плечи мелко и редко вздрагивали, а по щеке, освещённой дрожащим огоньком свечи, скатилась и застыла одинокая слезинка. Она плакала беззвучно, по взрослому, словно боялась нарушить общую торжественность своим детским горем.

Что-то ёкнуло в груди у Гаврилки. Вспомнил себя: тоже когда-то стоял так, один, в огромном храме, и казалось — никто не видит, никто не спросит. А теперь — он видит. И сердце щемит: не жалость, а какое-то родное, знакомое чувство, будто сама церковь ему шепчет: «Подойди».

Не раздумывая, он отложил охалку свечей, вышел в ризницу, где в уголке стоял медный чайник, подогреваемый на крошечной печурке. Через минуту он вернулся и молча протянул девочке свою жестяную кружку, из которой поднимался лёгкий пар, пахнувший мятой и липой.

— На, выпей, — сказал он просто, без расспросов и утешений. — Согреешься.

Машутка вздрогнула, подняла на него испуганные, полные слёз глаза. В них мелькнуло недоверие, растерянность, которая сменилась безысходностью. Она обеими руками взяла тёплую кружку, прижала её к щеке, словно это была не посуда, а живое, тёплое существо, и сделала маленький глоток. Гаврилка видел, как дрожь в её плечах понемногу утихла.

Но он понимал — чай не исцелит боль. Тихо отойдя, он направился к батюшке, который, сияя лицом, разговаривал с прихожанами, задержавшимися после Царских часов. Гаврилка прикоснулся к его рукаву.

— Батюшка, — тихо сказал он, кивнув в сторону девочки, — вон Машутка Любашина... Плачет. А я... я не знаю, что делать. Одного чаю, поди, мало.

Отец Алексей перестал улыбаться. Его взгляд стал мгновенно серьёзным и внимательным. Он кивнул Гаврилке коротко и ясно: «Понял». Попрощался с прихожанами и, никуда не торопясь, направился к одинокой фигурке у аналоя, чтобы выслушать ту боль, которой не было места во всеобщем предпраздничном настроении.

Гаврилка, отойдя к свечному ящику, сделал вид, что разбирает грошики в медной тарелке, но взгляд его неотрывно следил за происходящим. Он видел, как батюшка, отведя Машутку в сторонку, в затенённый уголок под хоругвями, опустился перед

Гаврилкины истории

ней на одно колено, сравнившись с ней ростом. Это был не гордый наклон пастыря, а отеческое приседание, полное смирения и готовности услышать.

Он видел, как губы отца Алексея тихо шевельнулись, задавая первый вопрос. И словно прорвало плотину. У Машутки задрожала нижняя губа, она снова схватилась за рукав своей душегрейки, но на этот раз слёзы хлынули потоком — не тихие и горькие, а бурные, детские, облегчающие.

В руках у неё всё ещё была кружка с чаем, и, боясь, что девочка обольётся в своём порыве, отец Алексей бережно взял её из дрожащих рук, поставил на ближайший подоконник и вновь обратил всё внимание к ребёнку, словно ничего и не прервало их разговора.

Она говорила, захлёбываясь, вытирая лицо кулачками, а батюшка, не перебивая, слушал. Его крупная, привыкшая держать тяжёлое Евангелие рука мягко поддерживала её за локоток — не сжимала, а лишь дарила тихое, надёжное присутствие. В этом прикосновении не было назидания, лишь благословение, молчаливое обещание: «Я здесь, я слышу, ты в безопасности».

II

Гаврилка не слышал слов, но читал историю по её плечам, сжимавшимся от рыданий, по тому, как она потом, успокаиваясь, показывала куда-то в сторону своей улицы, и по кивку батюшки, который теперь всё знал. Он видел, как суровое внимание на лице отца Алексея постепенно сменилось тихой, твёрдой уверенностью.

Он что-то сказал девочке напоследок, и та, наконец, подняла на него лицо, вытирая последнюю слезу краем платка, который он ей протянул. И на мокрых ресницах блеснул не отблеск свечи, а первый проблеск надежды.

Тогда батюшка поднялся, и Гаврилка вдруг увидел в нём не просто служителя в ризах, а ту самую неколебимую силу, что стоит за каждым молитвенным словом. Он шагнул вперёд — уверенно, с размеренной мощью — туда, где у клироса дьякон Семён, позванивая цепочкой, поправлял кадило.

Отец Алексей что-то коротко сказал Семёну, и лицо дьякона, обычно красное и несколько насмешливое, вдруг стало серьёзным и собранным. Он кивнул, отложил кадило и взглянул на Гаврилку, словно вызывая его без слов. Батюшка жестом позвал к себе и мальчика.

Подходя, Гаврилка видел, как Машутка, всё ещё стоявшая под хоругвями, смотрела на них — на батюшку, на дьякона, на него — и в её взгляде уже не было прежней потерянности. Было ожидание. Было доверие. И в тишине своего сердца Гаврилка вдруг с невероятной ясностью понял: сейчас начнётся дело. Не служба, а другое, не менее важное дело.

Батюшка отошёл с ними в сторону, к притвору. Лицо его было серьёзным, но не скорбным — собранным, каким бывало перед началом большой службы.

— Семён, Гаврила, — начал он тихо, но так, что каждое слово ложилось на сердце свинцовой печатью ответственности, — у Любаши, вдовы нашей, горе приключилось. Не просто хворь, а горячка, с ног свалила. Девочка одна на хозяйстве осталась при больной матери, вот Машутка и растерялась. Дров нет, еды — крохи. В такую-то пору, когда такие морозы стоят.

Он перевёл взгляд на дьякона, и в глазах его читалось не приказание, а доверие к старому товарищу.

— Семён, обойди-ка дворов пять шесть, ближних. Скажи, от меня: батюшка про-

Гаврилкины истории

сит, кто чем может — дровец подкинуть, шей горшок, пирога краюху. По-соседски, по-христиански. Не как милостыню, а как долг.

Потом взгляд его упал на Гаврилку, и мальчишка вспомнил свои ощущения, когда наблюдал за солнечным лучом на иконе: есть опора, есть тепло свыше. И теперь это переживание вернулось — столь же явственное, глубокое, утешительное.

— А ты дело сделаешь поважнее, — батюшка достал из складок рясы аккуратно сложенный листок. — Это фельдшеру. Скажи, от меня, пусть без отговорок — Любу, вдову, навестит. Лекарством снабдит. Только чтоб сегодня же.

Гаврилка взял записку. Бумага была тёплой от руки батюшки. Он чувствовал, как в его ладони лежит теперь не просто клочок бумаги, а сама надежда той самой девочки.

III

И они пошли. Не как просители, а как вестники. И Гаврилка, шагая рядом с дьяконом, видел, как слово батюшки, переданное устами Семёна, творило тихие чудеса.

Они постучались в первую избу. Вышла хозяйка, встревоженная. Услышав про Любу, ахнула, хлопнула себя по бёдрам:

— Ах, родная моя! Да как же так! Сейчас, сейчас... — И исчезла в сенях, чтобы вернуться с тёплым, духовитым караваем. — Неси, голубчик, неси! Скажи, Анна зайдёт!

В другом дворе мужик, рубивший дрова, остановился, воткнул топор в колоду и, не говоря ни слова, молча принялся грузить на свои дровни охапку сухих, золотистых поленьев.

В третьем дворе старушка, выслушав, покачала головой, покряхтела, а потом принесла глиняный горшок, туго набитый снедью.

— Кутьи ей отнесите, рождественской. Пусть силы набирается.

И на всех лицах — не досада, не раздражение, а живое, немедленное участие. Словно все только и ждали этого зова, этого повода протянуть руку.

Гаврилка с изумлением наблюдал, как горе одной вдовы становилось общей бедой, и как эта беда тут же растворялась в простом, безотказном действии. Он занёс свою записку фельдшеру, после обошёл с дьяконом ещё несколько дворов, занёс собранные гостинцы тёте Любе. Ему очень хотелось увидеть Машу, но Машутки дома не оказалось. И всю дорогу обратно к храму размышлял об увиденном. Как из разрозненных душ, словно из отдельных дощечек, складывается тёплый, надёжный кров, где всегда найдётся место для того, кто замёрз и заплакал в Сочельник.

Вечерние сумерки уже густели, но в сердце Гаврилки было светло, как от тысяч зажжённых свечей. Они с дьяконом Семёном шли молча, но это было то самое омывающее душу молчание, которое наступает после свершённого доброго дела.

У паперти их ждала Машутка. Но это была уже не та безутешная фигурка, прижавшаяся к аналою. Щёки её пылали румянцем, глаза сияли, а в руках она сжимала краюху тёплого хлеба, которую ей заботливо дала одна из соседок.

Увидев батюшку, выходящего из храма, она бросилась к нему, и слова полились из неё радостным, стремительным потоком:

— Батюшка, родной! Благодарствуем! Фельдшер был, лекарство оставил — сказал, с Божьей помощью худое позади. А сколько добра люди принесли: и дров — до весны хватит, и пирог с капустой, и яичко, и мёду... Мама велела кланяться!

Она кланялась, сияя, и казалось, этот детский восторг освещал морозный воздух ярче любой звезды. Отец Алексей мягко остановил её, положив руку на её стриже-

Гаврилкины истории

ную голову. Улыбка тронула его усталые губы.

— Не мне спасибо, чадо, — сказал он тихо, но его слова были слышны и Гаврилке, и дьякону. — Ты знаешь, у Бога, кроме наших рук и ног, других нет. Вот Гаврилка — его можно назвать глазами Божьими: он тебя заметил, когда все в суете прошли мимо. Вот дьякон Семён — его ноги: он по дворам пошёл. А соседи твои — это Его руки, что дрова принесли, пирог испекли. Все вместе — это и есть Божья помощь. Истинная. Не в чуде с неба, а в делах рук человеческих.

— И ты правильно сделала, что пришла со своей бедой к людям, — продолжал батюшка, обращаясь к Машутке. — В этом и есть настоящее рождественское чудо. Не в том, что ангел с неба спустится, а в том, что сердца у людей не очерствели, не замёрзли, а отозвались. Вот это и есть свет Вифлеемской звезды — он в нас самих.

Машутка слушала, широко раскрыв глаза, впитывая в себя эту простую истину. Потом она кивнула, ещё раз крикнула «Спасибо!» — Уже всем сразу — и побежала домой, к матери, неся в руках не просто краюху хлеба, а свидетельство того, что она не одна в этом мире.

Гаврилка смотрел ей вслед. И в этот миг он чувствовал себя не просто помощником, не просто пономарём. Он чувствовал себя частью чего-то огромного и светлого, той самой живой церкви, где каждый — и батюшка, и дьякон, и сосед мужик, и он сам — был нужен, был важен. Быть может, это и есть самое главное взросление — понять, что твои руки, твои глаза, твои ноги могут стать для кого-то тем самым чудом, которого он ждёт.

IV

Ночная Рождественская служба проходила в каком-то особенном, пронизанном тихой радостью свете. Гаврилка стоял на своём месте, и каждое песнопение, каждое возжжение свечи отзывалось в его душе новым, глубоким смыслом.

Он смотрел на море огоньков в руках прихожан и думал, что каждая из этих свечей — словно тот маленький вклад, который сделал сегодня каждый человек: одно полено, горшок щей, краюха хлеба, записка фельдшеру. Одна свеча может осветить лишь крошечное пространство вокруг себя, но все вместе они заливали храм таким сиянием, что за толстыми стенами, в самую тёмную рождественскую ночь, казалось, становилось светлее.

Когда хор запел «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение», Гаврилка почувствовал, как по спине пробежали мурашки. Эти слова обрели плоть и кровь. «Благоволение в человецех» — вот оно, случилось сегодня, здесь, в их Посаде. Не где-то в вышине, а в простых, шершавых от работы руках, протянувших помощь.

Возвращался он домой уже на рассвете, когда небо на востоке стало разгораться первым, холодным, розовым светом. Снег хрустел под ногами звонко и празднично. Он шёл один, но одиночества не чувствовал. Он был полон тем тихим, светлым чувством, которое сильнее любой шумной радости. Он был той самой свечой и горел ровно и тепло.

Дед, как всегда, ждал его, растопляя утренний самовар. Молча поглядел на внука, на его разгорячённое лицо, на особый блеск в глазах, и спросил просто:

— Ну что, Гаврюха? Как праздник?

Гаврилка подошёл к столу, глянул на огонёк лампадки, трепетавший перед рождественской иконой, и тихо, словно делясь самым сокровенным, ответил:

— Светлый, деда. Очень светлый... Руки-то у Бога нашлись.

Старик ничего не сказал на это. Только кивнул, и в морщинах у его глаз заплясали отсветы пламени. Где-то в маленькой избе на окраине теперь горел свой, земной огонёк — тёплый, спасённый, рождественский. И Гаврилка знал — он был причастен к этому. И это знание согревало душу куда вернее, чем самое жаркое печное тепло.

Словарик к рассказу находится на 22 странице.

Зима в крестьянском календаре: праздники — тёплые вехи на пути к весне

Зима на Руси никогда не была временем бездействия. Она лишь переводила неутомимую крестьянскую жизнь в иной ритм, укутывала поля снежным покрывалом, а избы — мягким светом лучин. В этой тихой, но деятельной поре православные праздники становились добрыми путеводными звёздами: подсказывали, когда чинить сани, когда проверять закрома, когда начинать готовиться к пробуждению земли. В этих датах чудесно сплетались молитва и хозяйственный расчёт, древние поверья и житейская мудрость.

Введение — ворота зимы (4 декабря)

«Введение пришло — зиму привело», — приговаривали в деревнях, вдыхая морозный воздух, от которого на ресницах тут же появлялись крошечные инейные звёздочки. С этого дня зима вступала в полную силу, а крестьянский быт плавно перестраивался на зимний лад.

Всюду чувствовалось особое зимнее оживление. Устанавливался санный путь — по заснеженным дорогам тянулись обозы с рыбой, пенькой и льняным полотном; в городах шумели торги, где красовались новенькие сани и прочная упряжь. Возвращались домой мужики отходники — плотники, каменщики, бурлаки, отработавшие осень на чужих хлебах; их тёплые объятия и рассказы о дальних краях согревали избы не хуже печи. В домах стоял уютный запах смолы и дёгтя: начинали конопатить стены, чинить инвентарь, заготавливать дрова — всё должно было быть готово к лютым морозам.

На ярмарках царил праздничный суета: продавали мороженую рыбу, деревянные ложки, прялки, лапти. Хозяйки с заботливой придирчивостью перебирали запасы, прикидывая, хватит ли зерна до весны. А по вечерам, при трепетном свете лучины, женщины садились за прялку — пора было наматывать основы для будущего ткачества, вплетая в нити тихие зимние вечера и тёплые надежды.

На день св. Николая Чудотворца (19 декабря) заключали договоры с наёмными работниками, продавали излишки зерна и мяса. «Никольские морозы» напоминали: зима крепка, но и человек не слаб. В этих делах была особая мудрость — жить в ладу с природой, но не сдаваться её капризам.

От Филипповок до Рождества: ритм зимнего труда

С начала Рождественского поста (28 ноября) жизнь в деревне набирала особый, сосредоточенный ритм. «Филипповки — заговинье на зиму», — говорили старики, и каждый знал: пора уплотнять труды, чтобы зима прошла не впустую.

Женщины занимались прядением из льна и шерсти — тонкие нити ложились в клубки, словно застывшая песня, намоткой основ для ткацких станков, шитьём и починкой одежды.

Мужских забот тоже хватало. Изготавливали деревянную утварь: ложки, ковши, прялки. Ремонтировали сохи, бороны, грабли — всё должно было дожидаться весны в полной готовности. Собирали сани и дровни — к Введению они должны быть не просто готовы, но наряжены к празднику.

Канун Рождества — Сочельник — был днём тихой сосредоточенности и трепетного ожидания. До первой звезды не ели, готовили кутью — ритуальную кашу из цельных зёрен с мёдом и ягодами.

А с наступлением темноты приходила радость: молодёжь отправлялась колядовать,

Праздники

звонкие обрядовые песни разливались по заснеженным улицам, а в домах зажигались свечи. «Рождество — середина зимы», — замечали крестьяне, чувствуя: самое тёмное время позади, а впереди — медленное, но верное движение к свету.

Святки: между Рождеством и Крещением

Двенадцать дней от Рождества до Крещения были порой волшебства, когда граница между миром реальным и сказочным становилась почти незаметной. Колядки и ряженые, обходящие дворы с песнями и шутками, отгоняли зимнюю тоску.

По хозяйству необходимо проверить закрома — сколько зерна осталось, хватит ли до посевной. Осмотреть скот — достаточно ли сена, крепки ли коровы и лошади. Починить упряжь, подготовить сани к дальней дороге — понимали, что зима ещё покажет свой нрав.

В Васильев вечер (13 января) пекли «васильеву кашу» из последней крупы старого урожая — это был и обряд, и практический расчёт: хватит ли запасов до весны? В каждой ложке чуялся вкус прошедшего года и надежда на будущий.

Крещение: лютые морозы и начало перемен (19 января)

«Крещенские морозы — самые лютые», — знали в деревнях. Ветер пронизывал до костей, а иней украшал бороды и ресницы причудливыми узорами. Но именно после Крещения холода начинали слабеть, весна уже на пороге.

Практические заботы помогали чувствовать почву под ногами. Перечитывали запасы: зерно, сено, дрова — всего должно хватить до тепла. Начинали подготовку к весенним работам: чинили сбруи и телеги — скоро они понадобятся. Сортировали семена для яровых культур. Замачивали лён для трепания.

Между Крещением и Сретеньем: зимние ремёсла

После Крещения дни становились чуть длиннее, а работа — чуть разнообразнее. В избах пахло горячим хлебом и воском, а за окнами медленно светлело. Женщины продолжали прясть, ткать, шить. Мужчины мастерили корзины, лапти, валяли валенки, чинили сани. Хозяйки пекли, готовили припасы.

Сретение: встреча зимы с весной (15 февраля)

«На Сретенье кафтан с шубой встретились», — шутили в деревнях. Этот день ощущался как невидимый рубеж: зима ещё держалась за крыши и деревья, но в воздухе уже чуялось дыхание весны, словно далёкий звон капли.

Последние зимние дела требовали сосредоточенности. Завершение плетения корзин и лаптей — скоро в поле. Окончание столярных работ — дальше только срочный ремонт. Валяние валенок должно быть закончено — к весне они уже должны быть готовы.

Подготовка к весне набирала обороты. Мужики договаривались о летних подрядах — строительстве, сплаве леса, бурлачестве. Осматривали скот — хватит ли сил до первой травы. Начинали вывозить на поля навоз — первые шаги к пахоте, первые прикосновения к земле, которая скоро проснётся.

Масленица: прощание с зимой

Хотя Масленица приходилась на конец февраля — начало марта, она ещё оставалась в зимнем цикле, но уже дышала весной. Это было время радостного завершения зимних трудов и первых шагов к полевым работам. Продавали остатки зимних изделий — корзин, саней, прялок. Чинили сани перед тем, как убрать их до следующей зимы. Начинали вывозить навоз на пашни — земля ждала тепла и заботы.

Пекли блины — золотые, круглые, как солнце, и такие же тёплые. Катались на санках, смеялись, играли. А в последний день сжигали чучело Масленицы, провожая зиму и встречая весну.

Рождественский дед

Серия «Праздники Гаврилова Посада»

ГАВРИЛКА.РФ

Код:.....
Куда.....

Серия «Праздники Гаврилова Посада»

ГАВРИЛКА.РФ

Код:.....
Куда.....

Серия «Праздники Гаврилова Посада»

ГАВРИЛКА.РФ

Код:.....
Куда.....

Серия «Праздники Гаврилова Посада»

ГАВРИЛКА.РФ

Код:.....
Куда.....

СВЯТОЧНЫЙ ДЕДУШКА И ДЕД МОРОЗ

В морозном воздухе декабря, когда улицы укутываются снежным покрывалом, а окна домов загораются праздничными огнями, в нашем воображении оживают образы зимних волшебников. Два самых известных — Святочный дедушка и Дед Мороз — хоть и кажутся похожими, на самом деле воплощают разные культурные традиции и исторические эпохи.

Святочный дедушка появился в России в XIX веке как светская адаптация образа святого Николая (Николая Угодника). В западноевропейской традиции этот

святой одаривал детей подарками на Рождество, и его культ постепенно проник в **городскую культуру** Российской империи.

Его называли по-разному: Рождественский дед, Святочный дедушка — имя варьировалось, как и сам облик. Не было строгих канонов: обычно это был добродушный старик с мешком подарков, чья главная миссия — вознаградить детей за хорошее поведение.

Популярность этого персонажа пришлась на конец XIX — начало XX века, вплоть до революции. Он стал своеобразным «переходным звеном» между религиозным святым и будущим Дедом Морозом. Дети ждали его в святочный период — от Рождества до Крещения, когда, согласно поверьям, границы между мирами истончались, а чудеса становились реальностью.

Однако у Святочного дедушки не сложилась долгая история: после революции и смены праздничного календаря этот образ постепенно ушёл в прошлое, оставшись лишь в воспоминаниях и

старых открытках.

История Деда Мороза куда более древняя и многослойная. В славянском фольклоре зимний дух, олицетворяющий холод, носил разные имена: Мороз, Студенец, Трескун, Карачун. Его изображали седобородым старцем, способным наказывать за

СВЯТОЧНЫЙ ДЕДУШКА

непочтение — замораживать людей, губить посевы. Это был не даритель, а властелин зимы, которого следовало задабривать, а не ждать от него подарков.

Фольклорные сюжеты о зимнем духе нашли отражение в народных сказках, например, «Морозко», и литературных обработках — достаточно вспомнить «Мороз Иванович» В. Ф. Одоевского. Здесь уже прослеживается постепенное «смягчение» образа: из сурового карателя Мороз превращается в справедливого, хоть и строгого, волшебника.

Канонический облик Деда Мороза сформировался не сразу. Сегодня мы узнаём его по длинной шубе (белой, синей или красной); густой белой бороде; посоху, способному творить чудеса; тёплой шапке; валенкам, неподвластным морозу; мешку с подарками; спутнице — Снегурочке (этот образ утвердился уже в советскую эпоху).

Но главное — Дед Мороз это не просто даритель. Он хозяин праздника, повелитель зимы, активный участник новогоднего ритуала: зажигает ёлку, водит хороводы, общается с детьми. В советской традиции он стал ещё и нравственным ориентиром, поощряющим доброту, трудолюбие и послушание.

Ключевой поворот в истории Деда Мороза произошёл в 1930–1960-х годах. В рамках новой государственной политики праздник был перенесён с Рождества на Новый год, а Дед Мороз утвердился как главный символ зимнего торжества. Это было не просто изменение даты — это была переоценка смыслов: религиозный подтекст уступил место светскому, а образ волшебника стал более универсальным и дружелюбным.

В отличие от Святочного дедушки, который так и остался эпизодом в истории праздников, Дед Мороз обрёл новую жизнь, впитав в себя славянские поверья о зимнем духе, литературные интерпретации XIX века, советские представления о празднике как общем, всенародном торжестве.

Интересно, что в разных традициях встречаются и другие варианты имени зимнего дарителя:

- Старый Рупрехт — персонаж немецкой фольклорной традиции, сопровождающий святого Николая;
- Добрый Морозко — отсылка к народной сказке, где зимний дух испытывает героев, но может и наградить за доброту;
- Ёлкич — игривое, почти сказочное имя, подчёркивающее связь волшебника с главным символом праздника.

Так, два зимних волшебника — Святочный дедушка и Дед Мороз — напоминают нам, как меняются традиции, как старые образы перерождаются, обретая новые смыслы. И в этом их особая магия: они не просто дарят подарки, но и хранят память о том, как наш праздник становился таким, каким мы его знаем сегодня.

Источники:

Иллюстрация Рождественского деда - журнал «Светлячок» 1904-24,
Иллюстрация Святочного дедушки - журнал «Светлячок» 1913-01

Словарик

Ризы — многозначный церковный термин. В широком смысле — это богослужебные облачения священно и церковнослужителей, а также покровцы на священных сосудах и престоле.

1. Облачения священнослужителей

Ризы — верхние богослужебные одежды, которые надевают только в храме во время службы. Они не используются в быту и после богослужения остаются в церкви.

К ризам относятся:

фелонь (у священника) — плащ без рукавов с прорезью для головы;

саккос (у епископа) — накидка с рукавами, символизирующая царское достоинство;

стихарь (у диакона) — длинное одеяние с широкими рукавами, знаменующее чистоту души;

епитрахиль (у священника) — двойной орарь, обозначающий двойную миссию: служить Церкви и совершать таинства;

поручи — полосы с крестом на запястьях, указывающие, что через священника действует Господь;

пояс с крестом, набедренник, палица (наградные элементы облачения) и др.

Важно: ризы надеваются поверх повседневных одежд (подрясника и рясы) и имеют строго регламентированный порядок облачения, сопровождаемый особыми молитвами.

2. Покровцы и покрывала в алтаре

Ризами также называют:

покрывала на престоле и жертвеннике;

покровец на потире (чаше для Причастия);

ткани, покрывающие аналой.

Эти покровцы всегда соответствуют по цвету облачениям священнослужителей и символически связывают убранство алтаря с богослужением.

Цвет риз имеет символическое значение и меняется в зависимости от праздника:

белый — Божественный Свет (Рождество, Пасха, Преображение);

красный — радость Пасхи и кровь мучеников;

голубой — чистота Богородицы (Богородичные праздники);

зелёный — жизнь и Дух Святой (Троица, дни преподобных);

жёлтый (золотой) — «царский» цвет (дни апостолов, святителей);

чёрно фиолетовый — покаяние (Великий пост).

Хранение: ризы содержатся в **ризнице** — специальном помещении храма, где их берегут, чистят и готовят к службам.

Царские часы — особое богослужение в православной традиции, совершаемое трижды в год: накануне Рождества Христова (6 января); накануне Крещения Господня (18 января); в Великую Пятницу (страстная неделя, подвижная дата).

Название связано с византийской традицией: на этих часах в кафедральном соборе обязательно присутствовал император, оставляя все государственные дела. В России благоверные государи также следовали этому обычаю. Сегодня «царскими» их называют по исторической памяти — в знак торжественности службы.

Символическое значение

• В сочельники (Рождества и Крещения) служба готовит верующих к встрече

Словарик

праздника, раскрывая ветхозаветные прообразы и новозаветные события.

• В Великую Пятницу часы посвящены Страстям Христовым: через чтения и песнопения вспоминаются суд, распятие и смерть Спасителя.

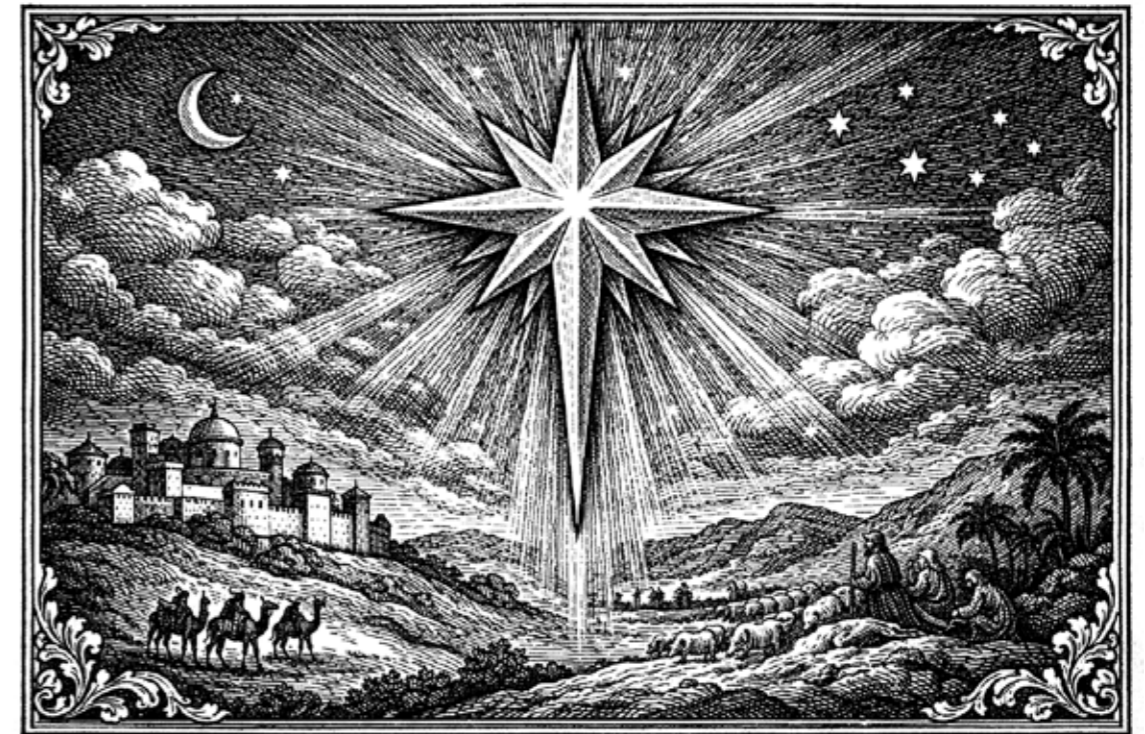
Таким образом, царские часы — это не просто краткое богослужение, а глубокое литургическое повествование, соединяющее Ветхий и Новый Завет и подготавливающее душу к переживанию священного события

Хоругвь (мн. ч. — хоругви) — это:

В церковном обиходе — полотнище с изображением Иисуса Христа, Божией Матери, святых или событий священной истории, укреплённое на длинном древке. Используется в крестных ходах и церковных шествиях. Хоругви считаются символом победы над смертью и дьяволом. Обычно их размещают возле правого и левого клиросов, а во время торжественных процессий торжественно выносят. В историческом контексте — боевое знамя воинского подразделения. На полотнище военной хоругви могли изображать образы Иисуса Христа, Богородицы или святых, герб, святые реликвии.

Притвор — это западная часть христианского храма, пристройка перед входом (обычно с западной стороны).

Слово происходит от древнерусского и старославянского притворъ — «пристройка». В византийской традиции аналогичное помещение называлось нартекс от греческого ларчик, шкатулка.

Рассказы дореволюционных авторов

Пугало

На третий день Рождества мама с папой вечером уехали к знакомым на ёлку, а Лида и Лёша остались дома.

Лёше ужасно хотелось поехать на ёлку тоже, но его не взяли, потому что возвращаться с ёлки было бы слишком поздно. Напрасно Лёша плакал, молил, давал обещание немедленно пойти и «расквасить себе нос», чтобы разжалобить маму, — ничто не помогло, и Лёша остался дома.

Лёша был не в духе — надулся, как мышь на крупу, и поэтому ему хотелось придирааться ко всем. Кошка по комнате пробежала — зачем она тут бегаешь?.. Печку затопили — почему ему не дали самому трубу закрыть?.. Лампу зажгли — почему на ней колпак зелёный, а не красный?..

Няня слушала, слушала да и не выдержала:

— Да что ты, батюшка, командир какой-то выискался!.. Чего ты бунтуешь да командуешь?.. Давай ка я возьму губку, умою тебя и спать спозаранку уложу — лучше дело то будет!..

Это была угроза серьёзная, — и Лёша немного отошёл, но ненадолго.

— Поедем, Лёша, в гости на ёлку, к куклам, — предложила Лида.

— Ну, поедем, пожалуй, — мрачно сказал Лёша.

— Да нет, не «ну, поедем»... да «пожалуй»... — обиженно сказала Лида. — Так никакой игры не будет!..

— Да мне всё равно, — с притворной скукой сказал Лёша. — Ехать — так ехать!..

И они отправились в гости, в «кукольный уголок», сели за маленьким столиком, и Лида принялась угощать «за куклу»:

— Вам с сахаром?.. Печенья не угодно ли?..

Лёша нарочно зевнул и кувырнул чашку.

— Лёшка!.. Да что ты делаешь?! — закричала, совершенно меняя тон, Лида.

Но на Лёшу напал дух озорства. Он сунул куклу носом в чашку и дал ей подзатыльник. Лида в отчаянии бросилась к няне. Конечно, поднялся целый скандал.

— Иди, сударь, к столу, — сказала няня, сердито дёргая Лёшу за рукав. — Садись и читай книжку, коли играть не умеешь. А ты, Лидочка, матушка, не приставай к нему. Ишь, на него Каприз Капризыч наехал и ломает его!.. Играй одна, матушка!..

Лёша мрачно уселся за стол и шлёпнул книгой изо всей силы, думая этим произвести сильное впечатление, но на него никто не обратил внимания.

Вошла горничная Луша, принесла тарелку с орехами, миндалем, пастилой и черносливом и поставила на стол.

«Ни за что не притронусь ни к чему», — мрачно соображал Лёша, косясь на всю эту прелесть, — «пусть сами меня попросят!..»

Лида подошла, взяла орехов, сладостей, дала няне и Луше, и все они уселись на полу около ярко пылавшей печки, глядя на шипевшие и потрескивавшие дрова.

Горькая обида взяла за сердце Лёшу. Он пыхтел и пыжился изо всех сил, с негодованием теребя листы книги.

Лида вдруг захлопала в ладоши:

— Отлично, Луша, — давай играть в карты!.. И няня тоже!..

Лёша наярнул слух... Гм... О нём — ни звука!.. Хорошо!.. Он запомнит и это...

С горечью, украдкой, протянул он руку к тарелке и стащил мармеладинку, которой заел своё горькое горе...

Вдруг лицо его просветлело, и он загадочно улыбнулся: «Хорошо же, — подумал он, — устрой я вам штуку!..»

Он встал и медленно направился из комнаты.

— Куда это? — недружелюбно окликнула его няня, искоса, через очки, поглядывая на него. — Баловаться опять?..

Рассказы дореволюционных авторов

Лёша только пожал плечами.

— Оставь его, няня!.. Пускай уходит, если ему с нами скучно! — сказала Лида.

Лёша ещё раз загадочно улыбнулся и вышел из комнаты.

«Я вас напугаю!.. Погодите вы у меня!» — бормотал Лёша, входя в переднюю, где висело большое зеркало. Он подошёл к печке, сунул руку в отдушину, захватил сажи и мазнул себя по щекам, потом вывернул свою шубку мехом вверх и напялил на себя, надел на голову

башлык, а на башлык — картонку из под шляпы.

Но когда он подошёл к зеркалу полюбоваться на себя, прежде чем идти пугать других, — на него из зеркала выглянуло такое пугало, что бедный Лёша вдруг сам задрожал, заревел и, закрыв лицо обеими руками, закричал неистовым голосом.

Из детской на его крики выбежали няня, Лида и Луша — и остановились на пороге.

— Родимые мои!.. — всплеснула няня руками. — Да что же это ты, озорник, наделал?! Где ты измазаться так успел?!

Луша не выдержала и фыркнула, Лида улыбнулась тоже, глядя на испачканное сажей лицо Лёши, — а Лёша всё кричал и не отнимал рук от глаз, боясь взглянуть на себя ещё раз в зеркало, откуда на него выглянуло страшное пугало.

И пришлось тем самым, которых Лёша напугать хотел, его же успокаивать и утешать. А потом няня повела его умываться...

Полчаса спустя Лёша, вымытый, чистенький, сидел на полу перед печкой, кушал пастилу и чернослив и играл в карты с Лидой, Лушей и няней — и всю его тоску как рукой сняло.

— Съехал, значит, Каприз то Капризыч с Лёшеньки, — говорила няня с добродушной улыбкой, искоса посматривая на Лёшу.

И Лёша не обижался на неё — ему теперь было так легко и хорошо и так хотелось быть именно хорошим и добрым со всеми...

А. Фёдоров Давыдов

Источник: журнал Светлячок 1913-01

Рассказы дореволюционных авторов

Маленькая швея

Дети с нетерпением ожидали возвращения мамы из города. Они знали, что мама привезёт каждому из них что-нибудь такое, что доставит громадное удовольствие.

— Мы бы краски и ружьё! — вздыхал Боря.

— А мне — заводную железную дорогу, — говорил Митя.

— А тебе, Лиза, что?

— Да я, право, не знаю... Что мама выберет... Мама, наверно, придумает что-нибудь хорошее.

Мальчики стали смеяться над Лизой, что она не знает, чего ей хочется, а Лиза стояла у окна, смотрела на дорогу и раздумывала: чего бы ей, в самом деле, хотелось? Книжку? Да ведь они уже получают три журнала. Куклу? У неё их много. Посуду? Цветные карандаши? Нет, пусть мама сама решит.

Мама приехала и тотчас принялась разбирать покупки. Через несколько минут Боря уже бегал по всему дому и всем показывал картонную палитру с дюжиной красок и ружьё, из которого можно было стрелять горохом и пробкой, а Митя пускал по полу заводной паровоз, который тащил за собой шесть вагонов зелёных и коричневых.

— А это тебе, девочка! — сказала мама и подала Лизочке завернутую в бумагу небольшую коробку.

В коробке оказался целый швейный прибор: ножницы, напёрсток, игольничек, катушки с белыми, чёрными и цветными нитками, даже пуговицы и крючки.

Лиза опечалилась. Шить она ещё не умела и потому смущённо вертела в руках мамин подарок.

— Я скоро начну учить тебя рукоделию, — сказала мама, — и ты увидишь, как этот ящичек тебе пригодится.

— Ну и подарок! — дразнили в следующие дни Лизу братья. — Нечего сказать! Ни поиграть им, ничего! На что он тебе нужен?

Лиза молчала. Ей было немножко обидно, особенно когда Боря раскрашивал при ней картинки, а Митя возил на своём поезде маленьких фарфоровых куколок и зверьков.

Но вот мама управилась со своими делами и принялась учить девочку шить. Она накроила Лизочке рубашек и фартучков для кукол, начала ей вышивать крестиками салфеточку для тёти Сони.

Лиза работала усердно. Ей нравилось, когда крестики выходили ровными и прямыми, и она с гордостью надевала на свою куклу бельё, сшитое её проворными пальчиками. Она уже не обижалась, когда братья смеялись над ней.

— Что, знаменитая портниха, много ли денег заработала? — спрашивал Боря насмешливо. Он успел сломать ружьё и измазать все краски, и теперь ему нечем было играть.

Митя тоже попортил завод у поезда и возил его теперь на верёвочке, что было очень неинтересно.

— Да брось ты это глупое шитьё! — приставали мальчики к сестре. — Пойдём играть в лошадки!

— Нет, нет! Мне надо салфеточку кончить к именинам тёти Сони! — отвечала Лизочка, не поднимая головы от работы.

— Швея Маланья! Швея Маланья! — дразнили мальчики, убегая в сад.

Рассказы дореволюционных авторов

Наступили именины тёти Сони. С утра детей одели в новые, нарядные костюмы, и мама строго запретила им пачкаться и мять одежду. Нужно было ехать в церковь к обедне, а потом в усадьбу тёти Сони, где соберётся много детей и будут играть во всевозможные игры.

Уже скоро нужно было собираться, и Лизочка надела шляпу, как вдруг она услышала в детской тихий плач. Она побежала туда.

В углу детской сидел Боря и горько плакал, закрыв лицо руками. Насилу уговорила его Лиза рассказать ей — в чём дело.

Оказалось, что он ходил в сарай посмотреть, как запрягают лошадей, лазал по экипажам, задел за гвоздь, — и теперь карман его новой курточки болтался на одной нитке.

— Мама увидит, что я разорвал, — накажет... дома оставит, не возьмёт к тётке, — всхлипывал Боря.

— Не плачь, Боря! Я сейчас почию! — весело сказала Лизочка. — Погоди минутку, я сбегая за рабочим ящичком.

Она принесла ящичек, достала из него иголку, чёрную нитку, надела напёрсток и принялась за работу. Быстро мелькала иголка в её маленькой руке, и Боря с удивлением и радостью увидел, как оторванный карман снова гладко и крепко был пришит к куртке.

Слёзы его высохли, и он с улыбкой смотрел на искусную маленькую швею. Когда же она кончила и помогла ему одеться, он горячо обнял её и шепнул ей на ушко:

— Прости меня, Лизочка! Я никогда больше не буду дразнить тебя твоим шитьём. Если бы ты не починила кармана, меня, наверно, оставили бы дома. Спасибо тебе!

— Дети! Пора! Лошади поданы! — позвал папа.

И Боря, схватив Лизочку за руку, весело побежал на крыльцо, около которого уже сутилась мама, укладывая в коляску подарки для тёти Сони.

М. Шафранова

Источник: журнал Светлячок 1912-15

гаврилка.рф

Занимательные науки

Рассказ о числах-великанах.

Выгодная сделка

Когда и где происходила эта история — неизвестно. Возможно, что и вовсе не происходила; даже скорее всего, что так. Но будь это или небылица — история достаточно занятна, чтобы её послушать.

I.

Богач-миллионер возвратился из отлучки необычайно радостный: у него была в дороге счастливая встреча, сулившая большие выгоды.

— Бывают же такие удачи, — рассказывал он домашним. — Непроста, видно, говорят, что деньга на деньгу набегаёт. Вот и на мою деньгу денежка бежит. И как неожиданно! Повстречался мне в пути незнакомец, из себя не видный. Мне бы и разговаривать с ним не пристало, да он сам начал, как проведаль, что у меня достаток есть. И такое к концу разговора предложил выгодное дельце, что у меня дух захватило.

— Сделаем, — говорит, — такой уговор. Я буду целый месяц приносить тебе ежедневно по сотне тысяч рублей. Не даром, разумеется, но плата пустяшная. В первый день я должен по уговору заплатить — смешно вымолвить — всего только одну копейку.

Я ушам не верил:

— Одну копейку? — переспрашиваю.

— Одну копейку, — говорит. — За вторую сотню тысяч заплатишь 2 копейки.

— Ну, — не терпится мне, — а дальше?

— А дальше: за третью сотню тысяч — 4 копейки, за четвертую — 8, за пятую — 16. И так целый месяц, каждый день вдвое больше против предыдущего.

— И потом что? — спрашиваю.

— Всё, — говорит, — больше ничего не потребую. Только крепко держать уговор: каждое утро буду носить по сотне тысяч рублей, а ты плати, что стоворено. Раньше сотни тысяч рублей за копейки отдашь! Если деньги не фальшивые, то не в полном уме человек. Однако же, дело выгодное, упустить — не надо.

— Ладно, — говорю. — Неси деньги. Я-то свои уплачу аккуратно. Сам, смотри,

Занимательные науки

не обмани: принесённые деньги приноси.

— Будь покоен, — говорит, — завтра с утра жди. Одного только боюсь: придёт ли? Как бы не спохватился, что слишком невыгодное дело затеял! Ну, до завтра недолго ждать.

II.

Прошёл день. Рано утром постучал богачу в окошко тот самый незнакомец, которого он встретил в дороге.

— Деньги готовы, — говорит. — Я свои принёс.

И, действительно, войдя в комнату, странный человек стал выкладывать деньги — настоящие, не фальшивые. Отсчитал ровно сто тысяч и говорит:

— Вот моё по уговору. Твой черёд платить.

Богач положил на стол медную копейку и с опаской дожидался, возьмёт гость монету или раздумает, деньги свои назад потребует.

Посетитель осмотрел копейку, взвесил в руке и спрятал в суму.

— Завтра в такое же время жди. Да не забудь, две копейки припаси, — сказал он и ушёл.

Богач не мог поверить в свою удачу: сто тысяч словно с неба свалились! Он снова пересчитал деньги, тщательно проверил, что они не фальшивые — всё сошлось. Затем спрятал деньги в надёжное место и стал с нетерпением ждать следующего дня, чтобы продолжить эту выгодную сделку.

На следующее утро снова раздался стук в окно: незнакомец принёс очередную порцию денег. Он отсчитал сто тысяч рублей, получил свои две копейки, спрятал их в суму и, уходя, бросил на прощание:

— К завтрашнему дню приготовь четыре копейки.

Богач снова ликовал: вторая сотня тысяч досталась ему практически даром! А незнакомец совсем не походил на грабителя — он не осматривался по сторонам, не

Занимательные науки

высматривал, где спрятаны деньги, а лишь требовал свои копейки. «Чудак! — думал богач. — Если бы таких людей было побольше, умным людям жилось бы куда лучше...»

Однако ночью сомнения закрались в душу богача. «А вдруг этот простака — на самом деле разбойник? — размышлял он. — Может, он притворяется наивным, чтобы выведать, где я прячу деньги, а потом нагрянуть сюда с шайкой лихих людей?»

Охваченный тревогой, богач крепко запер двери, с вечера начал поглядывать в окно, прислушивался к каждому шороху и долго не мог заснуть.

На третий день незнакомец явился снова — и третья сотня тысяч перешла к богачу за 4 копейки.

На четвёртый день история повторилась: богач получил ещё одну сотню тысяч, заплатив уже 8 копеек.

Пятая сотня тысяч обошлась ему в 16 копеек, шестая — в 32 копейки.

Спустя семь дней с начала сделки в кармане богача оказалось 700 тысяч рублей, а общая сумма выплат незнакомцу составила сущие пустяки:

1 коп. + 2 коп. + 4 коп. + 8 коп. + 16 коп. + 32 коп. + 64 коп. = 1 р. 27 коп.

Алчному миллионеру такая сделка очень понравилась. Он даже пожалел, что договорился лишь на один месяц — больше трёх миллионов за этот срок не получить! Богач подумывал уговорить незнакомца продлить сделку хотя бы на полмесяца, но опасался, что тот поймёт невыгодность своего предложения.

Незнакомец же пунктуально являлся каждое утро с сотней тысяч рублей. Динамика выплат со стороны богача выглядела так:

- 8-й день — 1 р. 28 коп.;
- 9-й день — 2 р. 56 коп.;
- 10-й день — 5 р. 12 коп.;
- 11-й день — 10 р. 24 коп.;
- 12-й день — 20 р. 48 коп.;
- 13-й день — 40 р. 96 коп.;
- 14-й день — 81 р. 92 коп..

К этому моменту богач уже получил 1 400 000 рублей, а общая сумма выплат незнакомцу едва превысила 150 рублей.

Однако радость богача длилась недолго. Вскоре он начал подозревать, что незнакомец вовсе не простака. Сделка оказалась не такой выгодной, как казалось сначала. Уже на 15-й день за очередную сотню тысяч приходилось платить не копейки, а сотни рублей — и сумма продолжала стремительно расти.

Во второй половине месяца платежи богача незнакомцу составили:

- За 15-ю сотню тысяч — 163 р. 84 коп.;
- За 16-ю — 327 р. 68 коп.;
- За 17-ю — 655 р. 36 коп.;
- За 18-ю — 1 310 р. 72 коп.;
- За 19-ю — 2 621 р. 44 коп.

Несмотря на значительные выплаты, богач всё ещё считал себя в плюсе: он уплатил более 5 тысяч рублей, но получил 1 800 тысяч. Однако прибыль уменьшалась с

Занимательные науки

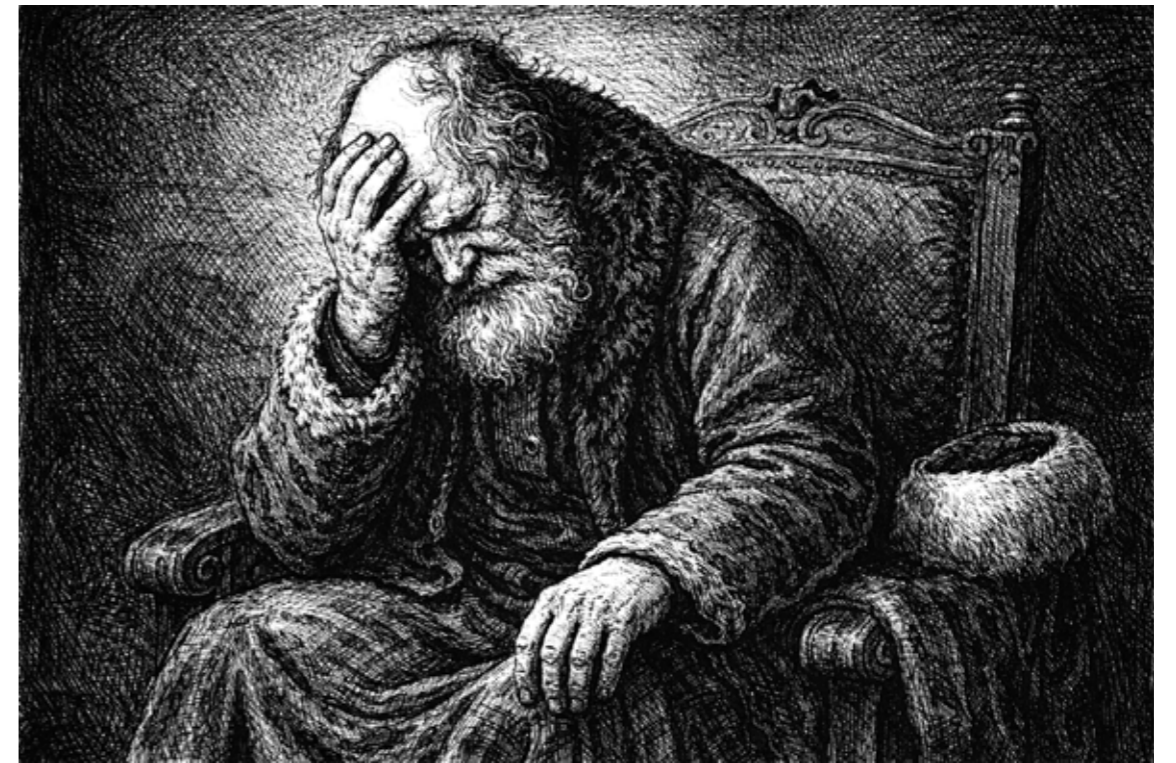
каждым днём, причём всё быстрее.

Дальнейшие платежи выглядели так:

- За 20-ю сотню тысяч — 5 242 р. 88 коп.;
- За 21-ю — 10 485 р. 76 коп.;
- За 22-ю — 20 971 р. 52 коп.;
- За 23-ю — 41 943 р. 04 коп.;
- За 24-ю — 83 886 р. 08 коп.;
- За 25-ю — 167 772 р. 16 коп.;
- За 26-ю — 335 544 р. 32 коп.;
- За 27-ю — 671 088 р. 64 коп.

К этому моменту платить приходилось уже больше, чем получать. Однако богач не мог разорвать договор. Ситуация становилась всё хуже: начиная с 28-го дня выплаты достигли миллионных сумм:

- За 28-ю сотню тысяч — 1 342 177 р. 28 коп.;
- За 29-ю — 2 684 354 р. 56 коп.;
- За 30-ю — 5 368 709 р. 12 коп.

Когда незнакомец ушёл в последний раз, миллионер подсчитал итоговую сумму. Оказалось, что за «выгодные» на первый взгляд три миллиона рублей он заплатил незнакомцу 10 737 418 р. 23 коп. — и в итоге оказался разорен.

Источник: Я. И. Перельман «Живая математика» математические рассказы и головоломки, Издательство: Государственное технико-теоретическое издательство (О Н Т И), Ленинград — Москва, 1934 год.

Занимательные науки

Для детей младшего возраста

Задачи-шутки

1. Три мальчика — Коля, Петя и Ваня — отправились в лавочку. По дороге к лавочке они нашли 3 копейки. Сколько денег нашёл бы один Ваня, если бы он отправился в лавочку?

2. Шла баба в Москву и повстречала трёх мужиков; каждый из них нёс по мешку, а в каждом мешке — по коту. Сколько существ направлялось в Москву?

Эта задача (в различных редакциях и с некоторыми видоизменениями) встречается в папирусах египтянина Ахмеса (1700 г. до н. э.), у Леонарда Пизанского (1202 г. н. э.) и, наконец, в Scholar's Arithmetic Даниэля Адамса.

3. Длина бревна — 5 аршин. Каждую минуту отпиливается по одному аршину этого бревна. За сколько минут распилят всё бревно?

4. В комнате 4 угла. В каждом углу сидит кошка; напротив каждой кошки сидят по три кошки. Сколько кошек в комнате?

5. Мальчики, гуляя в поле, увидели, что летит стая гусей. Они стали считать их, перебывая друг друга.

— Смотрите, — сказал один из них, — один гусь летит впереди, а два позади.

— Один позади, а два впереди! — добавил другой.

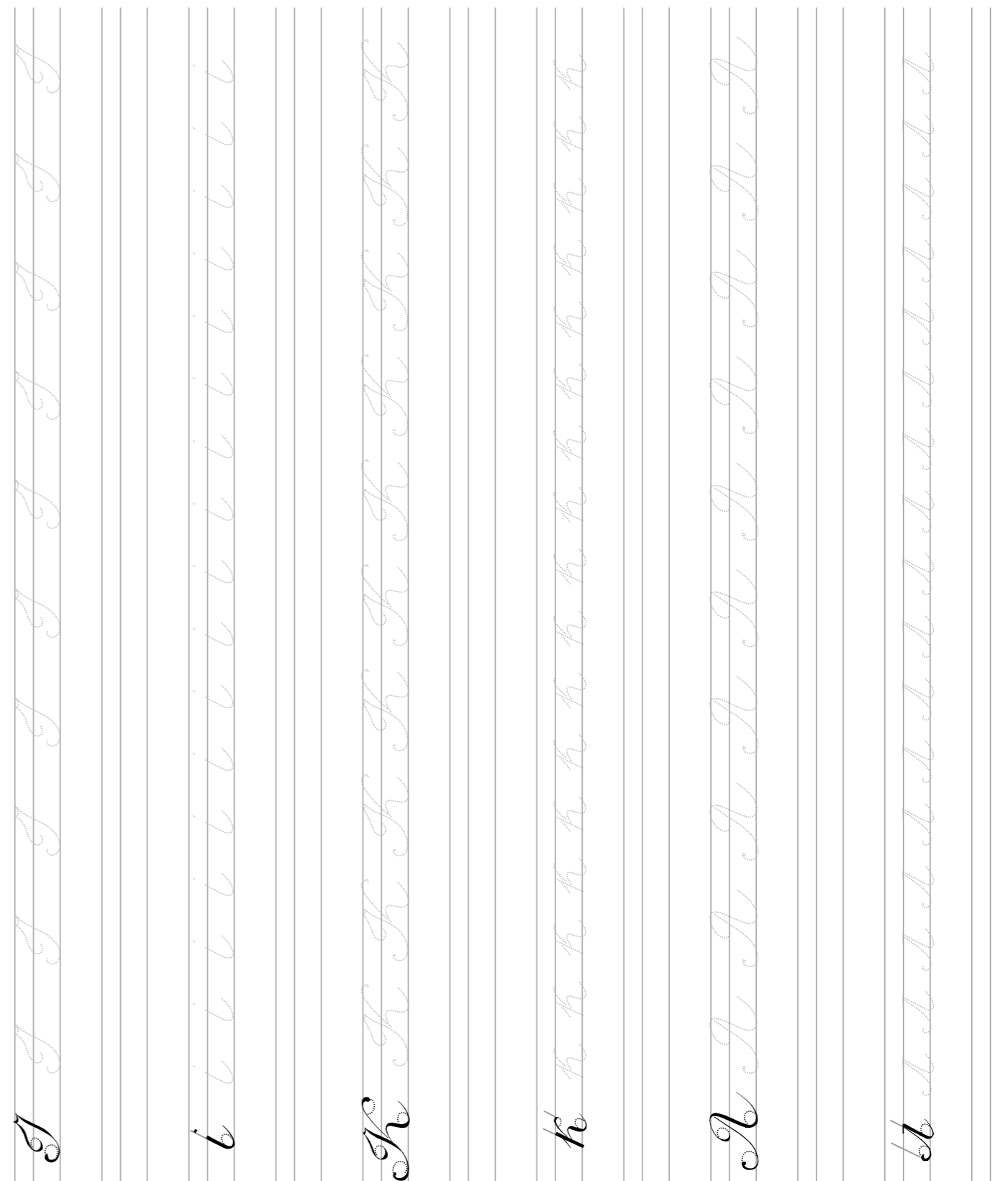
— А по-моему, один между двумя и три в один ряд, — возразил третий.

Сколько всего летело гусей?

6. Мальчик пришёл в магазин и попросил грушу. Ему предложили на выбор две груши: одну за 5 копеек, а другую за 10 копеек. Мальчик выбрал более дешёвую грушу, заплатил торговцу 5 копеек и побежал домой. Только он собрался приняться за лакомство, как ему в голову пришла мысль: «Ведь я уже заплатил торговцу 5 копеек, да у меня ещё есть груша, которая стоит тоже 5 копеек. Значит, если я отдам теперь эту грушу торговцу, то он получит от меня всего 10 копеек. Тогда я могу взять из магазина ту лучшую грушу, которая стоит 10 копеек. Это славно!» И мальчик побежал в лавку... Сбылись ли его мечты о дорогой груше?

Источник: Забавная арифметика. Хрестоматия для развития сообразительности и самостоятельности детей в семье и в школе. Выпуск I. Младший возраст. Типография товарищества И. Д. Сытина, Москва, 1912

Каллиграфия

Издание 1811 года — «Каллиграфия и способ научиться писать красиво»
Владимира Плетенева. Образцы письма, созданные по правилам лучших
каллиграфов той эпохи.

ОТВЕТ НА ГОВОЛОМКУ ИЗ 3-го НОМЕРА

Лапша с курицею

Замесить из хорошей пшеничной муки крутое тесто на яичных желтках, раскатать оно скалкою сколько возможно тонким листом, и натерев мукою, свернуть в трубку; после чего крошить ножом, с конца трубки начиная, и отрезывать полоски почти в толщину бумажного листа. Курицу приставить вариться в воде целую, сложив и не отнимая папоротков, или разняв на части с кореньями и зеленью. Когда курица сварится, выложить оную; отвар процедить, и перед тем, как отпускать на стол, положить в него накрошенную лапшу, приварить и послать с курицею.

Сморчки

Отобрать несколько крупных сморчков, корни из них осторожно вынуть, начинить рублеными желтками в густую свареных яиц. Говяжью голяшку приставить в горшке с водою, варить крепко; на этом отваре после варить чиненые сморчки, с прибавкою рубленых сморчков, малой доли дробными жеребейками скрошенных ветчины и луку, укропу. Когда поспеют, подавать, забелив сметаною.

Блинцы с яйцами

Оные делаются тем же образом, как и сырники; но в начинку оных употребляют не творог, а яйца, в густую свареные и мелко изрубленные.

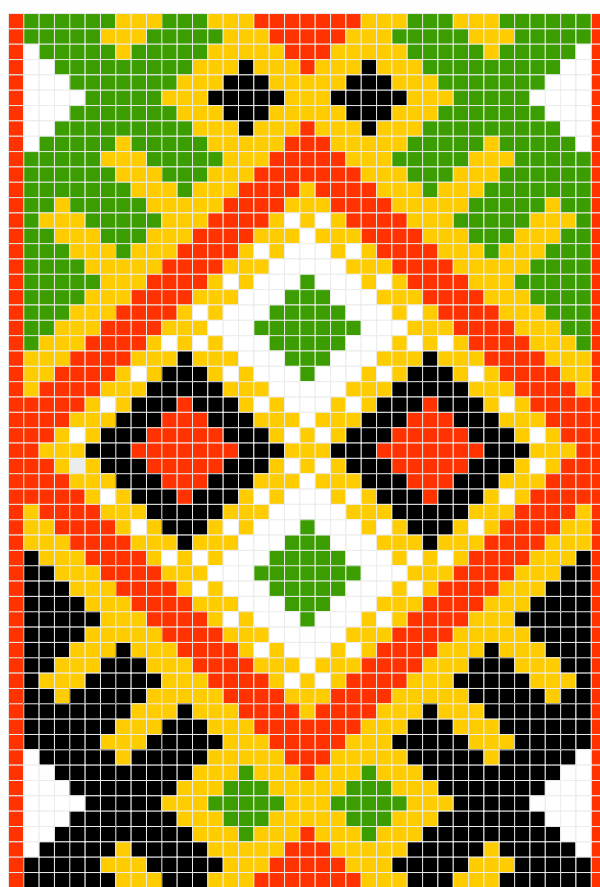
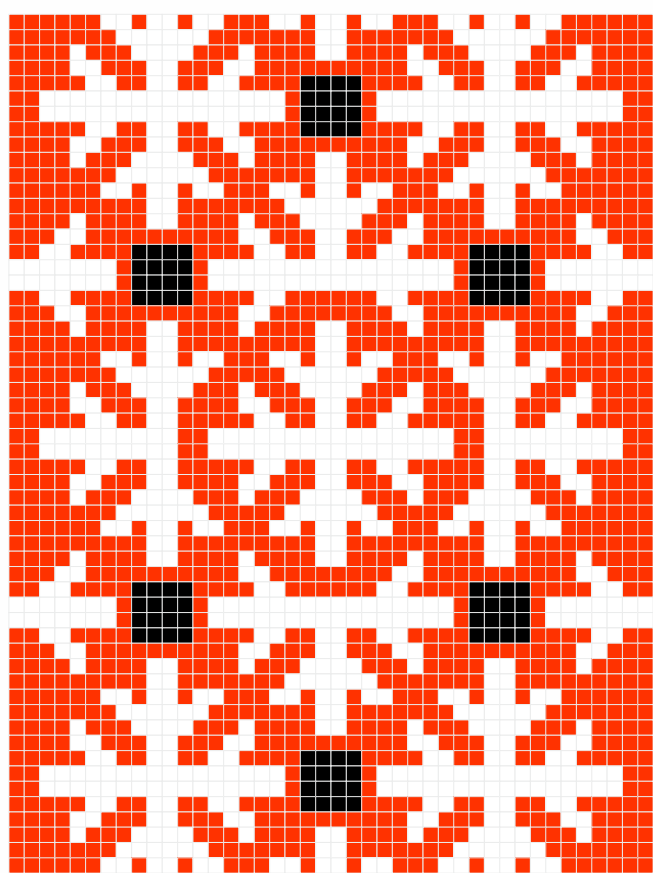
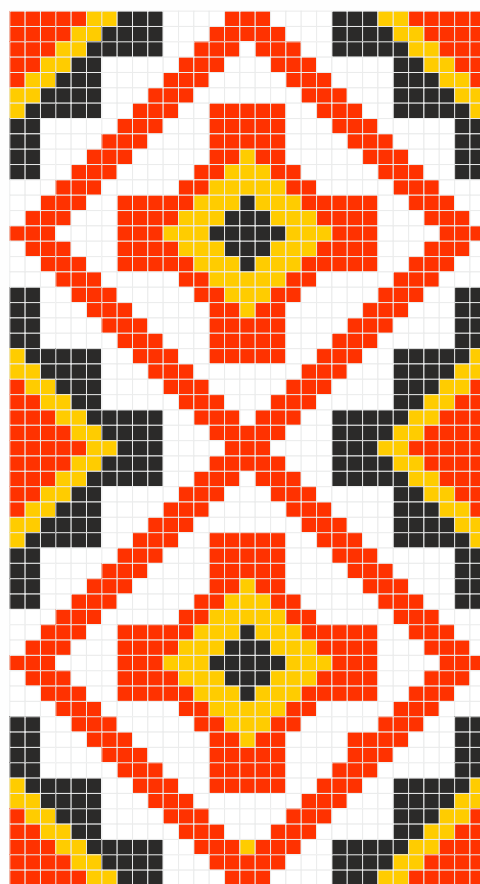
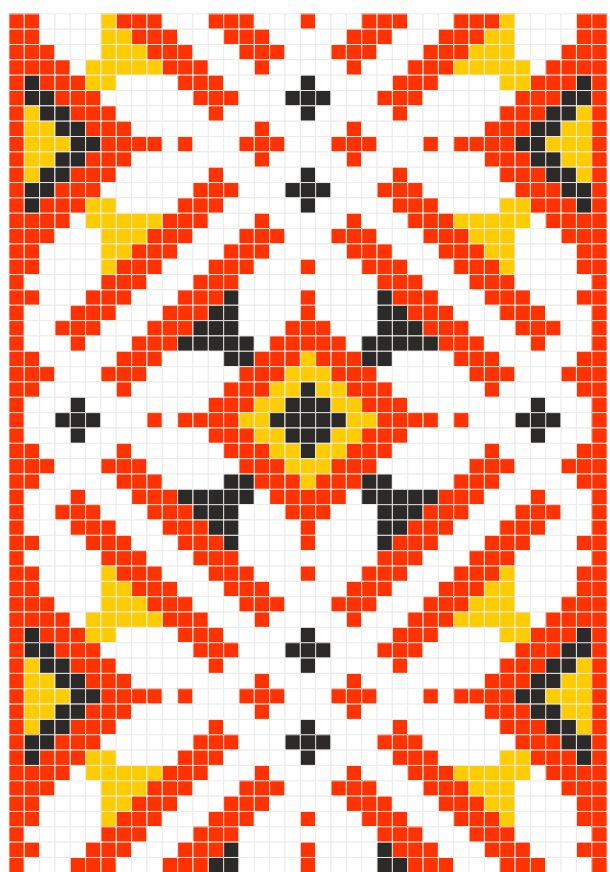

Блины с припекою

Блины с припекою называются, когда испеченный блин, не снимая с сковороды, намазать с одной стороны творогом, с яйцами стертым, и прижарить в пылу.

Рецепты из уникального издания 1816 года — «Русская поварня, или Наставление о приготовлении всякого рода настоящих русских кушаний» Василия Левшина. Настоящая гастрономическая летопись, хранящая ароматы и традиции русской кухни двухвековой давности.

Русские вышивки, выполненные К. Давлатовым по атласу цветным шёлком для мягкой мебели, а также по полотну для карнизов окон и дверей в русском тереме датского королевского парка Фреденсборг в 1889 году. Узоры заимствованы из его обширного собрания старинных образцов народного шитья великорусов Московской, Новгородской, Тверской и Ярославской губерний.